

Елена Арсеньева

Муза мести (Екатерина Сушкова – Михаил Лермонтов)

Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)

Женщины для вдохновения

Елена Арсеньева

**Муза мести (Екатерина
Сушкова – Михаил Лермонтов)**

«Автор»

2005

Арсеньева Е. А.

Муза мести (Екатерина Сушкова – Михаил Лермонтов) /

Е. А. Арсеньева — «Автор», 2005 — (Женщины для вдохновения)

ISBN 5-699-09537-3

«Однажды в некий дом, где жила девушка, бывшая, как говорится, на выданье, принесли письмо. Оно пришло по городской почте, и лакей подал его этой девушке, потому что на конверте стояло ее имя. Она взглянула на почерк – он показался смутно знаком. Она начала читать – и в глазах у нее потемнело...»

ISBN 5-699-09537-3

© Арсеньева Е. А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Муза мести

(Екатерина Сушкова – Михаил Лермонтов)

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам.

* * *

Однажды в некий дом, где жила девушка, бывшая, как говорится, на выданье, принесли письмо. Оно пришло по городской почте, и лакей подал его этой девушке, потому что на конверте стояло ее имя. Она взглянула на почерк – он показался смутно знаком. Она начала читать – и в глазах у нее потемнело.

Вот письмо от слова до слова:

«Милостивая государыня Екатерина Александровна!

Позвольте человеку, глубоко вам сочувствующему, уважающему вас и умеющему ценить ваше сердце и благородство, предупредить вас, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша к нему (известная всему Петербургу, кроме родных ваших) погубит вас. Вы и теперь уже много потеряли во мнении света – оттого, что не умеете и даже не хотите скрывать вашей страсти к нему.

Поверьте, он недостойн вас. Для него нет ничего святого, он никого не любит. Его господствующая страсть: господствовать над всеми и не щадить никого для удовлетворения своего самолюбия.

Я знал его прежде, чем вы. Он был тогда и моложе, и неопытнее, что, однако, не мешало ему погубить девушку, во всем равную вам и по уму, и по красоте. Он увез ее от семейства и, напешившись ею, бросил.

Опомнитесь, придите в себя, уверьтесь, что и вас ожидает такая же участь. На вас вчуже жаль смотреть. О, зачем, зачем вы его так полюбили? Зачем принесли в его жертву сердце, преданное вам и достойное вас?

Одно участие побудило меня писать к вам; авось еще не поздно! Я ничего не имею против него, кроме презрения, которого он вполне заслуживает. Он не женится на вас, поверьте мне; покажите ему это письмо, он прикинется невинным, обиженным, забросает вас страстными уверениями, потом объявит вам, что бабушка не дает ему согласия на брак; в заключение

прочтет вам длинную проповедь или просто признается, что он притворялся, да еще посмеется над вами, и – это лучший исход, которого вы можете надеяться и которого вам от души желает вам неизвестный, но преданный вам друг NN»¹.

Читая эти ужасные слова, сокрушавшие все ее надежды, девушка – ее и в самом деле звали Екатерина, Екатерина Сушкова – так изменилась в лице, что дядюшка, мирно игравший в карты с гостями, почувал неладное. Он вскочил, выхватил письмо из рук племянницы и принялся читать его вслух, ничего не понимая, не осознавая, что позорит племянницу перед гостями, которые слушали его с жадным любопытством и уже мерили девушку презрительными и даже подозрительными взорами. Дядюшка – он был человек не злой, да вот беда – умом недалекий – только удивлялся, с чего это какой-то аноним так заботится о судьбе племянницы.

– А кто это – погубленное сердце? – вопрошал он с видом туповатым. – А кто таков этот злодей коварный? А кого он погубил? А кто такой NN?

Гости втихомолку потешались. Наконец они разошлись, и тут к Екатерине подступила разгневанная тетушка Марья Васильевна. Она была гораздо умнее и язвительнее своего супруга, а уж позлонравничать над племянницей, жившей у нее в доме на положении бедной родственницы, ей всегда было в радость, хлебом не корми! Сколько раз она измывалась над Екатериной по самым ничтожным выдуманым поводам, ну а тут дала себе волю. Что была принуждена вытерпеть Екатерина – брань, колкости, унижения!

Девушка защищалась как могла, уверяла, что знать не знает и понимать не понимает, о чем может идти речь.

– Вероятно, письмо это написал какой-нибудь отверженный поклонник, чтобы навлечь на меня неприятность! – воскликнула она наконец. – Но за что ж меня бранить?!

Тетушка слегка поумерила пыл – мысль показалась ей вполне вразумительной. И тут вдруг младшая сестра Екатерины, Лиза, существо тихое, но весьма приметливое, проговорила с видом совершенно невинным и даже немного глуповатым:

– Ой, мне кажется, я знаю, о ком пишет этот NN...

Екатерина похолодела. Конечно же, она тоже знала всех персонажей анонимного послания, но от этого ей было не легче. Слишком тяжелые обвинения возводились на того, кого она любила до безумия, любила смертельно, и ей ничего так не хотелось, как развеять подозрения родственников, остаться одной и обдумать полученное письмо. Вернее, уверить себя, что все в нем – грязная клевета на кумира ее сердца. Неужели Лиза ее выдаст? Она ведь и впрямь знает, кому Екатерина недавно отказала и в кого она влюблена!

Да, Лиза не пощадила сестру. С тем же наивным видом она рассказала, что человек, которому отказала Екатерина, чем и разбила его сердце, это Алексей Лопухин, ну, тот самый, который то и дело ездил к ним прошлым годом, да и месяц назад был в Петербурге, а потом исчез, бесследно пропал. Ну а злонравный искушитель – не кто иной, как молодой Лермонтов, ну этот стихоплет, забавный юнец, Мишель! Сделала ли Лиза свое признание по глупости или потому, что завидовала прекрасным черным глазам старшей сестры и ее успехам в свете, – это теперь не суть важно.

Боже ты мой, что началось после ее рассказа! Открыли стол Екатерины, перешарили все в ее шкапулке, перелистали все ее книги и тетради... Ничего не нашли и от этого разгневались еще пуще. Дядюшка с тетушкой поочередно допрашивали всех лакеев, всех девушек, не была ли Екатерина в переписке с Лермонтовым, не целовалась ли с ним, не имела ли с ним тайного свидания? Екатерина то краснела от стыда, то вскипала от ярости, потому что родственники

¹ Здесь и далее все тексты (в т. ч. и стихотворные) цитируются по альбомам, дневникам и мемуарам Екатерины Сушковой (прим. авт.).

чернили боготворимого ею человека, возводили на него позорную напраслину и совершенно не желали слушать о том, что их с Лермонтовым помыслы были чисты, чисты, чисты!

– Дыма без огня не бывает, – только и твердили они, и взгляды тетушки уже стали такими пронзительными, словно она желала проникнуть под платье племянницы и проверить, а не располнела ли она в талии.

Ночь прошла в слезах. Екатерину стерегли, и утро не принесло облегчения: с ней не говорили, на нее не смотрели (хотя и зорко караулили), ей не позволили обедать за общим столом, как будто ее присутствие могло кого-то осквернить и замарать.

Конечно, это ее ранило, но не слишком. Она ждала одного: чтобы появился возлюбленный, чтобы успокоил, уверил в любви. Если все обвинения ложны, если Мишель любит ее по-прежнему – она все, все вытерпит!

И он появился. Появился, словно услышал ее зов.

Лакей доложил: приехал-де господин Лермонтов.

– Не принимать! – заявила тетушка.

Однако Лермонтов, словно почуяв неладное, настаивал, начал шуметь в лакейской, говорил, что не уйдет, не повидавшись с Екатериной Александровной. Тетушка решила отвести его и велела передать, будто все уезжают в театр. На Екатерину надели шубу и вывели в прихожую. Чудом удалось влюбленным перекинуться несколькими словами.

– Анонимное письмо... меня мучают... нас разлучают... мы не едем в театр... я все та же и никогда не изменюсь... – твердила Екатерина, словно в бреду.

Он был бледен, молчалив. Только и спросил:

– Как нам видется?

– На балах, когда выйду из-под домашнего ареста.

Мишель учтиво извинился перед тетушкой и уехал.

И началась для Екатерины самая грустная, самая пустая пора ее жизни. Теперь ей некого было ждать, и она с умилением вспоминала то время, когда он наезжал каждый вечер. Казалось невероятным жить и не видеть его, и она вспоминала, как проводили они вместе длинные вечера: уедет, бывало, а ей останется отрадой припоминать и додумывать всякое движение его руки, значение улыбки, выражение глаз, повторять всякое слово Мишеля, разгадывая его. Екатерина со слезами вспоминала, как, проводив Мишеля, с нетерпением возвращалась в комнату, садилась на то место, где сидел он, с упоением допивала чай из его чашки, благоговейно целовала все, что он держал в руках своих...

Господи, как же она его любила! Теперь ей казалось невероятным, что когда-то она могла жить, не любя его, да еще и насмехаясь над его ухаживаниями! И страдание, которое Екатерина претерпевала сейчас, в разлуке с ним, было самым мучительным переживанием ее жизни, а ведь когда-то ей казалось, что и вся та жизнь состоит из одних только страданий...

Она и впрямь мало радости знала с самого детства. Сначала Екатерина была разлучена с родителями, потому что отец состоял на военной службе, а мать, урожденная княжна Долгорукова, ездила с ним. Брак ее был мезальянс, свершенный по страстной любви, и счастья ей не принес. Потому что избранник оказался игрок, игрок неистовый! Натура его была бешеная. Как все игроки, он беспрестанно переходил от нищеты к богатству, от отчаяния к восторгу, и матушка Екатерины всегда была равно несчастна и грустна.

Современник вспоминал о нем: «Александр Васильевич Сушков был страшный игрок и вообще бесшабашного характера. Когда ему в картах везло, он делал себе ванны из шампанского и выкидывал деньги горстями из окна на улицу, а когда не шло – он ставил на карту не только последнюю копейку, но до последнего носового платка своей жены. Нередко его приводили домой всего в крови после какого-нибудь скандала или дуэли. Понятно, что жизнь моло-

дой женщины при таких условиях была по временам невыносима и содействовала развитию аневризма, который доконал ее».

Однажды он заподозрил жену в измене! Состоялась дуэль, потом настояниями отцовской родни она была отлучена от воспитания маленькой Кати. Правда, другую дочь, Лизу, ей оставили, однако для Кати, которая страстно любила мать, это было горем всей жизни. Многие годы провели они отдельно друг от друга, встречаясь украдкой, воровато, тайно, с помощью добрых людей или подкупленных слуг, обманом. Даже переписываться им не дозволялось, а портрет матери был изорван отцом в клочья... Часы, проведенные с матерью, были самыми счастливыми в жизни Екатерины.

Как-то раз мать, переодевшись крестьянкою, прокралась к дому, где с отцом и бабушкой жила дочь. Няня была в сговоре: лишь только все в доме улеглись, она вынула девочку из кровати, наскоро одела и отворила окно, под которым стояла мать. «Мы протянули друг к другу руки, – вспоминала позже Екатерина, – двое людей помогли ей влезть на окно; часа два пробыла она со мной; мне кажется, что ни она, ни я не проговорили ни одного слова, а только плакали и целовались».

Екатерина подрастала и кочевала по родственникам: жила то у одних, то у других... Много времени провела она у одной из своих бабушек, Прасковьи Васильевны Сушковой. Та ее воистину жалела и любила, жить у нее было привольно, да вот беда: если она дремала днем, то Екатерина должна была сидеть рядом, не шелохнувшись, ну просто не дыша.

«Я сидела не шевелясь и вытверживала почти наизусть имена иностранных принцев в календаре, отмечала крестиками тех, которые более подходили ко мне по летам; начитавшись без разбору романов и комедий, я возмечтала, что когда-нибудь вдруг предстанет передо мной принц – и я тоже сделаюсь принцессой; стыдно признаться, что подобная фантазия занимала меня с десятилетнего возраста до вступления в свет, и когда только я не думала о матери своей, то всей душой предавалась созерцанию моего принца: то представляла его беленьким, хорошеньким, то вдруг являлся он мне грозным, страшным, убивал всех, щадил меня одну и увозил в свое государство».

Больше всего на свете это заброшенное дитя мечтало о любви. Единственное утешение, что она была красавица: черные глаза, черные волосы до пят... И, конечно, она была кокетка, с ее-то броской внешностью. И хотя потом, повзрослев, Екатерина пеняла своим воспитателям: «Нехорошо, если рано втолкуют девочке, что она почти красавица: не понимая вполне, что значит быть красавицей, считаешь себя во всем лучше других, а тем заготавливаешь себе для будущего много разочарований и горя», – а все же очень любила наряжаться, не отходила, бывало, от зеркала, любуясь собой... Это ее утешало так же, как мечты о принцах. А редкие встречи с матерью по-прежнему происходили украдкой.

После смерти Прасковьи Васильевны Екатерину определили в дом к тетке, Марье Васильевне Сушковой. Она лишилась единственного ребенка и обещала воспитывать Екатерину как родную дочь, однако это воспитание выражалось в основном в насмешках, жестокой тирании да напоминаниях о собственном благодеянии, которого Екатерина не ценит и не способна оценить. Муж ее, Николай Сергеевич, был у жены совершенно под каблуком, да и умом, как уже было сказано, особенно не отличался.

Здесь, в их доме, Екатерина получила известие о смерти матери. Эта весть была тем тяжелее, что Екатерине была обещана встреча с ней... И вот теперь выходило, что встретиться им суждено лишь в ином мире.

«Странно родилась моя бедная мать, – в горе записывала потом Екатерина. – Бабушка моя так страдала перед тем, чтоб разрешиться, что впала в летаргию; три или четыре дня ее и младенца ее считали мертвыми; день, назначенный для похорон, наступил; она лежала уже в гробу, ждали духовенство, псаломщик читал псалтырь, как вдруг стол подломился и гроб упал; от сотрясения бабушка очнулась и тут же, в гробу, родила бедную мою мать; и точно, жизнь,

начавшись таким ужасным образом, тяготила ее до последней минуты. Жизнь эту можно сказать в немногих словах: родилась в гробу, претерпела весь свой век и скончалась в чужом доме, не имея никого из близких подле себя, даже горничной своей, которая приняла бы ее последний вздох, передала бы мне ее последнее слово!..»

Между тем Екатерина подросла настолько, что ее понадобилось вывозить в свет. Ее спасало то, что тетушка пуше всего боялась, как бы никто ее не попрекнул, что она-де плохо воспитывает племянницу. Поэтому после долгих ворчаний было сшито Екатерине белое кисейное платье *a la greque*, и ей казалось, что не было никого на свете наряднее ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.